

Отраденское районное общество
историков-архивистов
во имя святого преподобного Нестора Летописца

Отраденские
историко-краеведческие
ЧТЕНИЯ

Выпуск VIII

Материалы Межрегиональной научной конференции,
посвященной 160-летию образования Кубанского казачьего войска
и 100-летию Исхода Русской Армии с Кубани и из Крыма

Редактор-составитель С.Г. Немченко

Армавир – Отрадная
2020

УДК 947.1/9 (470.62)
ББК 63.3 (2 Рос-4Кра)
О 80

Научное издание

Редколлегия:

Матвеев О.В. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра традиционной культуры ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор»

Петров В.Н. – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Кубанского государственного университета

Немченко С.Г. – краевед, председатель Отрадненского районного общества историков-архивистов во имя святого преподобного Нестора Летописца (*редактор-составитель*)

Плотникова В.А. – начальник архивного отдела администрации муниципального образования Отрадненский район

Рецензенты:

Ракачёв В.Н. – доктор исторических наук, доцент кафедры социологии Кубанского государственного университета

Великая Н.Н. – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета

Отрадненские историко-краеведческие чтения. Выпуск VIII: Материалы Межрегиональной научной конференции [Текст] / Редактор-составитель С.Г. Немченко. – Армавир: Издатель Шурыгин В.Е., 2020. – 365 с.: ил.

Очередной выпуск «Отрадненских историко-краеведческих чтений» (вып. VIII) приурочен к 160-летию образования Кубанского казачьего войска и 100-летию Исхода Русской армии после поражения в Гражданской войне. Сборник включает исследования по древностям Кубани и Приурупья, материалы о религиозной жизни Северо-Западного Кавказа, статьи по истории и культуре кубанского казачества, отдельных станиц, подразделений и персоналий, традиционному наследию региона, публикации документов, рецензии на краеведческие новинки. Издание предназначено для преподавателей и учащихся, сотрудников учреждений культуры, исследователей и краеведов, для подвижников казачьего движения и всех, кому небезразлично историческое прошлое и духовное наследие Приурупья, Кубани и Северного Кавказа.

На первой стороне обложки: Белая Россия. Исход. Блюкин Дмитрий Анатольевич. 1992 г.

На концевой стороне обложки: Казаки-артиллеристы 3-й Кубанской батареи, окончившие действительную военную службу. Тип. Чернова, фот. М.М. Амбражевича, г. Майкоп, 25 сентября 1907 г.

Издание осуществлено при финансовой поддержке администрации Отрадненского района и станицы Отрадной, Отрадненского районного казачьего общества, ООО "ПРИМА-МЕБЕЛЬ" станицы Спокойной, за счет средств атамана станицы Передовой Яковенко П.Н. и личных средств казака станицы Отрадной Немченко С.Г.

ISBN 978-5-91153-137-9

© Авторы статей, 2020
© Оформление. Издатель Шурыгин В.Е., 2020

Н.В. Кияшко

**«Арест его был вызван тактическими
соображениями»: секретный отдел ВЧК
и политический контроль
над православным духовенством
(1920–1921 гг.)**

Религиозная политика советской власти на протяжении всей истории СССР претерпевала значительные, порой даже радикальные перемены. Отношение большевиков к религии и Русской Церкви, выразившееся во время Гражданской войны в форме жесточайшего террора и насилия, историк А.Н. Кашеваров справедливо назвал «кавалерийскими атаками» [1]. Однако уже на заключительном этапе Гражданской войны (1920–1921 гг.) высшее политическое руководство страны окончательно убедилось в невозможности подавления Православной Церкви стихийными и неконтролируемыми «атаками», во множестве провоцировавшими очаги социального противостояния, и обратилось к поиску новой модели религиозной политики.

Трансформация борьбы с религией обусловила аппаратные движения внутри советской государственной системы за право выбора направления практической линии поведения власти в отношении Церкви. Ставшая очевидной невозможность уничтожения Церкви как административного института без прямого государственного вмешательства в ее административную и в богословско-идеологическую сферы создавала для власти серьезную проблему. Во многом благодаря этому на рубеже 1921–1922 гг. окончательный приоритет в работе с Церковью был закреплен именно за органами безопасности, имевшими широкие возможности оперативного и секретного функционала для осуществления задач высшей власти.

Несмотря на пристальное внимание исследователей к государственной религиозной политике 1920-х гг., работы, затрагивающие локальную специфику проведения на Кубани и юге страны директив центра в 1920–1922 гг., практически отсутствуют. Немногочисленные исследования проблемы принадлежат А.В. Рожкову [2] и А.А. Панарину [3]. Как правило, для других работ характерна тенденциозность выводов, поверхностность и отсутствие широкого корпуса региональных источников [4]. Таким

образом, публикация новых документов партийно-государственных органов и органов безопасности, соперничавших в процессе определения нового курса государственной политики, существенно расширяет событийную картину, сложившуюся в отечественной историографии, и восполняет имеющиеся лакуны.

Доминантное положение среди источников занимают архивные уголовные дела и делопроизводственные документы VI отделения Секретного отдела (далее – СО, впоследствии переименован в Секретно-оперативное управление – СОУ) Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (далее – ВЧК), находящиеся на хранении в Центральном архиве ФСБ России. Вопросы о методах агентурно-осведомительной и оперативно-следственной работы органов безопасности, системе информирования центра и высшего руководства страны органами на местах о работе с духовенством, тенденциях и специфике реализации религиозной политики ранее рассматривались в отдельных статьях [5].

Окончательное установление советской власти в столице Кубани г. Екатеринодаре весной 1920 г. совпало с периодом поиска новой модели государственной религиозной политики. В это время высшее политическое руководство страны оказалось перед выбором между «однопланово-репрессивным» подавлением Церкви и компромиссным путем ослабления давления на нее с целью создания масштабной идеологической дифференциации разных внутренних сил с варьированием между ними [6].

Главными действующими лицами в противостоянии партийно-государственных органов в 1920–1921 гг. стали председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский и заведующий VIII отделом Наркомата юстиции (далее – НКЮ) П.А. Красиков. В сущности, их взгляды на развитие религиозной политики можно свести к следующему: Ф.Э. Дзержинский придерживался проверенного историей метода «разделяй и властвуй», согласно которому ВЧК было необходимо усиливать реформаторские процессы среди духовенства, разделяя на враждующие между собой идеологические группировки. В записке В.И. Ленину он писал: «Официально или полуофициально иметь с попами дела не следует [органам власти. – *Н.К.*] ... это может позволить только ВЧК» [7]. Необходимость доминантной роли ВЧК в религиозной

политике он объяснял возможностью «лавировать ... для единственной цели – разложения попов», потому что «связь какая бы то ни было с попами других органов – бросит на партию тень – это опаснейшая вещь» [8]. «Церковь сейчас разваливается, этому нам надо помочь, но никоим образом не возродить ее в обновленной форме», – писал он в декабре 1921 г. [9].

Позиция П.А. Красикова как представителя НКЮ, юридически ответственного за реализацию в стране религиозной политики, совершенно отличалась и основывалась на необходимости полномасштабного давления на Церковь в духе антирелигиозного наступления первых лет Гражданской войны. «Моя линия, которая расходится с линией ВЧК ... заключается в поддержке обеих групп на сухоядении, а не оживлении их пайками... Тихона надо шельмовать в лоск, что мы и делаем, а не опрокидывать с помощью реформации. Да и никакого реформаторского движения не наблюдается», – писал он. Руководитель VIII отдела не видел необходимости в создании искусственного реформаторского движения, которое является «невыгодным для революции», и предлагал делать основной упор на дискредитировавшего себя «непричесанного русского попа» [10].

Освобождение юго-востока России от денкинской власти и Добровольческой армии способствовало укреплению силового влияния ВЧК на всю политику региона, в т.ч. в отношении Церкви. Под маркером возможной опасности интервенции Врангелевской армии и вследствие слабости местного отдела юстиции Кубано-Черноморская ЧК, руководствуясь директивами центра, установила контроль над православным духовенством и религиозной политикой.

Ориентированность деятельности ВЧК на последовательную агентурную работу с православным духовенством, поддержка идейной дифференциации в его среде подтверждается материалами СО ВЧК, в которых в качестве первоочередных мер сотрудникам на местах предписывали «пользоваться в своих целях самим духовенством, в особенности занимающим важное служебное в церковной жизни положение, как-то: архиереями, митрополитами и т.п., заставляя их под страхом суровой ответственности издавать по духовенству те или иные распоряжения, могущие быть нам полезными; выяснить характер отдельных

епископов ... вербовать осведомителей по духовенству предлагается после некоторого знакомства с духовным миром и выяснением подробных черт по каждому служителю культа в отдельности». Вербовка агентов из духовенства предлагалась через устрашение тюрьмой, лагерем «по незначительным поводам, за спекуляцию», через материальное поощрение, которое будет связывать агента так, что он станет как «вечный раб ЧК, боящийся расконспирировать свою деятельность» [11].

Цели и методы «церковной» работы ВЧК на Кубани в 1920–1921 гг. отражены в докладе председателя КубЧК Д.В. Шленова, прочитанном 21 июля 1921 г. на первой конференции Чрезвычайных органов юго-востока России: «Духовенство заполнило нашу область, внедрилось в массы и ведет свою разлагающую политику, ведет вредную агитацию... Во что бы то ни стало нужно добиться согласия Центра выслать отсюда весь пришлый элемент, поселившийся здесь за время революции ... за исключением тех, которые могут быть использованы для наших целей ... другие работы ведутся следующим путем: у нас имеется ряд осведомителей, которым поручается следить за политикой духовенства. Пока что духовенство находится под строгим надзором Чрезвычайных Комиссий... У нас был план посеять смуту между сторонниками старой и новой церкви искусственно, у нас для этого имеются средства и вполне пригодные лица. Путем искусственного загрязнения того или другого духовного лица мы внесем недоверие граждан к их духовным вождям и т.д. В споре приверженцев старой и новой церкви, где непосредственно примет участие само духовенство, нам легко будет выловить вредный для нас элемент» [12].

Главной кампанией чекистов Кубани в 1920 г. явилось создание кадрового и административного кризиса в управлении Кубанской епархией, для достижения которого ВЧК активно содействовали отдельные группы духовенства. Первым масштабным процессом стало дело против епископа Кубанского и Черноморского Сергия (Лаврова), управлявшего одновременно Ставропольской епархией. Его судьба необычайно удивительна и достойна отдельного исследования.

Во время эвакуации Высшего церковного управления на Юго-Востоке (ВВЦУ) России, отступавшего вместе с Добровольческой армией, почетный председатель управления митрополит Киевский Антоний (Храповицкий) 27 февраля 1920 г. поручил управление Кубанской епархией епископу Сергию, прибывшему в это время в Екатеринодар для поиска места служения [13]. После установления советской власти против законности полномочий епископа Сергия по управлению епархией выступил священник станицы Мингрельской Ф.И. Делавериди, отправившись лично с докладом к Святейшему Патриарху Тихону [14]. В Москве Ф.И. Делавериди пытался представить инициативу отстранения как желание многих кубанских приходов вернуть на кафедру епископа Иоанна (Левицкого), освобожденного ВВЦУ от управления епархией в ноябре 1919 г. за «слишком натянутые отношения светской власти» с епархией и раздор в епархиальной деятельности. В ответ на претензии кубанского священника Святейший Патриарх поручил епископу Сергию организовать и провести избрание епархиального архиерея делегатами от кубанских приходов [15]. Таким образом, должна была произойти легитимизация управляющего епархией путем открытых и честных выборов.

Не встретив поддержку высшей церковной власти в восстановлении на Кубанской кафедре епископа Иоанна (что ставило под сомнение решение ВВЦУ), Ф.И. Делавериди развернул грандиозную кампанию по дискредитации епископа Сергия и обратился к органам безопасности, обвинив его в контрреволюции. Учитывая, что назначение епископа состоялось при денкинском режиме и при поддержке ВВЦУ, ВЧК была не способна воспринимать личность епископа Сергия без «белогвардейской» тени. Одновременно от имени прихожан ст. Мингрельской была отправлена телеграмма Священному Синоду с протестом против епископа Сергия и требованием об освобождении кафедры [16].

В сентябре 1920 г. Ф.И. Делавериди направил в Политбюро по борьбе с контрреволюцией Кавказского отдела доклад о политической неблагонадежности Кубанского епископа. Так было положено начало тайному сотрудничеству чекистов с приходским священником. 12 сентября он при-

был в Политбюро для дачи показаний против епископа, причем в распоряжении заведующего Политбюро А. Мелихова подчеркивалось, что священник должен следовать «без конвоя», чтобы не привлекать внимание [17].

Несмотря на полученную от митрополита Сергия (Страгородского) телеграмму с поручением организовать выборы управляющего епархией, Ф.И. Делавериди в ответном письме продолжил требовать восстановления епископа Иоанна, «категорически протестуя против такого отношения к делу синода и патриарха, которые, быть может, не зная истинного положения вещей, ошибочно приняли сторону насилия ... еретика и стали против справедливых протестов верующих христиан».

Не надеясь на поддержку своих инициатив церковной властью, он далее открыто угрожал Священному Синоду «крайними мерами» и «ниспровержением» тихоновского архиерея на Кубани при помощи «рабоче-крестьянской» власти за поддержку «церковно-деникинского насилия над пресвященным Иоанном». Причем отказ Патриарха от поддержки инициативы мингрельского прихода расценивался в телеграмме как повод «сомневаться в справедливости даже самой высшей церковной власти» [18]. Создавшийся конфликт между Ф.И. Делавериди и высшей иерархией стал для КубЧК удобной возможностью организации административного кризиса и создания искусственной дифференциации духовенства региона.

Получив свидетельские показания на епископа Сергия и допросив епископа Иоанна, находящегося на подворье Кавказского мужского монастыря, 19 октября 1920 г. А. Мелихов спешно отправил все документы в ВЧК с пометкой «лично» заместителю председателя И.К. Ксенофонову. Знал ли бывший кубанский епископ Иоанн, для кого был нужен его рассказ об увольнении с кафедры? Безусловно, знал и совершенно ясно представлял себе дальнейшую судьбу епископа Сергия. Докладывая о начале дела против архиерея, А. Мелихов просил указаний и направления циркулярного письма в поддержку мероприятий, проводимых кубанскими чекистами. Согласно резолюции на документе изучение кубанского дела было поручено помощнику уполномоченного VII отделения СО ВЧК

В.В. Фортунатову под контролем начальника СО Т.П. Самсонова [19].

В ближайшие дни на основе данных, полученных от неназванного «информатора», за епископом Сергием было установлено непрерывное наружное наблюдение [20]. Вероятно, «вспомнив» дополнительные подробности, Ф.И. Делавериди направил в Кавказское политбюро повторное заявление, в котором сквозь антисоветскую призму описал историю церковной деятельности на юге в 1919 г., организацию ВВЦУ и переход управления Кубанской епархией к митрополиту Антонию и последующее назначение епископа Сергия. Причем последний, подчеркивалось в документе, «фактически является продолжателем контр-революционного церковно-деникинского насилия над преосвященным Иоанном» и ждет возвращения белогвардейских сил из Крыма. Ф.И. Делавериди сообщал о состоявшейся в апреле 1920 г. встрече с епископом Сергием, который якобы «запрещал протестовать против совершенного насилия» и грозил, что «когда вернется из Крыма митрополит Антоний и церковное управление вместе с Врангелем, то мне придется поплатиться жизнью» [21].

Очевидная ангажированность обвинений и их искусственный характер несколько не помешали ВЧК использовать эту возможность для организации церковного административного кризиса в регионе. В конце ноября начальник СО ВЧК Т.П. Самсонов потребовал отправки епископа Сергия в Москву [22].

29 ноября 1920 г. помощником уполномоченного КубЧК (по политическим партиям и духовенству) А. Михалиным был произведен обыск в квартире епископа, расположенной при бывшем Епархиальном женском училище, и взята подписка о невыезде из Екатеринодара [23]. В первых числах декабря он был арестован и доставлен в тюрьму ЧК. На формальном и кратком допросе кроме обвинения в пособничестве Врангелевскому правительству епископу Сергию были заданы вопросы о знакомстве и характере отношений с епископом Ейским Филиппом (Гумилевским). Как говорил Преосвященный, епископ Филипп «уехал в Новочеркасск на хиротонию во епископа, он будет викарным епископом Ейским и будет откомандирован для управления Ставропольской епархией согласно указу Священного Синода» [24].

Вскоре после отъезда епископа Сергия в ВЧК, не без участия Ф.И. Делавериди, 23 декабря был арестован епископ Филипп вместе с группой духовенства. В числе арестованных оказались все священники, занимавшие руководящие должности в епархиальном совете и близкие к епископу Сергию: протоиерей Н.Т. Карташов, протоиерей Н.Ф. Розанов, священники В. Адаменко, А.Н. Маков и др. [25].

9 декабря 1920 г. епископ Сергей был доставлен в Москву под конвоем и заключен в Лефортовскую тюрьму. Несмотря на уверенность КубЧК в достаточности обвинений против епископа, помощник уполномоченного VII отделения СО ВЧК В.В. Фортунатов, рассмотрев дело, доложил об отсутствии «серьезных материалов для обвинения» и отметил, что «арест его вызван тактическими соображениями, преследующими освобождение Кубанской кафедры» [26]. После доклада В.В. Фортунатова на заседании Президиума ВЧК епископ Сергей был освобожден под подписку о невыезде, а его дело отложено до получения из Краснодара убедительных документов о его причастности к работе ВВЦУ [27]. Однако промедление ВЧК объяснялось лишь необходимостью организации доказательной базы, для формирования которой потребовалось некоторое время.

Освободившись из тюрьмы, епископ Сергей отправился к Святейшему Патриарху Тихону на Троицкое подворье. Подтверждением пребывания на подворье служит ордер на его арест в марте 1920 г., выписанный по адресу Троицкого подворья [28].

В это время VII отделение СОУ ВЧК проводило консультации с Наркомостом об отправке в ссылку епископа Сергия. 4 февраля 1920 г. заведующий V отделом НКЮ П.А. Красиков сообщил начальнику VII отделения А.Ф. Рутковскому о нежелательности пребывания епископа на положении местного архиерея [29].

Уполномоченный VII отделения СОУ ВЧК И.А. Шпицберг в заключении по делу от 10 марта 1921 г. усматривал факт преступления епископа Сергия в оказанной им поддержке священнослужителям, бежавшим из центральной России на юг и получавшим назначения на приходы, в чем проявлялась «работа по старому деникинскому руслу ... для торжества контр-революции» [30]. Максимальная лаконичность и сдержанность

обвинительной формулы и доказательств вины свидетельствовала о необходимости выполнения VII отделением «плана» по политическому преследованию части православного епископата, в числе которого оказался епископ Сергей. ВЧК не ставила перед собой задачи конструирования сложных и обоснованных уголовных дел, организуя эти процессы с минимальными формальностями.

Уже на следующий день, 11 марта, Президиум ВЧК осудил епископа и приговорил к ссылке на год в Великий Устюг [31]. 12 марта он был арестован на Троицком подворье и доставлен во внутреннюю Лубянскую тюрьму. Нежелательность пребывания большого количества епископов в Москве обусловила спешку СОУ ВЧК в организации высылки епископа в Великий Устюг. В записке сотрудника ВЧК об аресте епископа отмечалось, что «надлежит срочно препроводить под конвоем согласно постановления президиума в гор. Устюг» [32].

После высылки епископа Сергея Кубано-Черноморская ЧК с помощью священника Ф.И. Делавериди, ставшего полезным в процессе уничтожения Церкви, перешла к «зачистке» епархии от священнослужителей, прибывших из других регионов в годы Гражданской войны и назначенных на приходские должности «контр-революционными» митрополитом Антонием и епископом Сергием. Подобный характер работы был свойственен и другим южным региональным отделениям ВЧК.

Одновременно КубЧК поставила под политический контроль все прибывающее в регион духовенство, обязав священников получать в отделе юстиции областного исполкома разрешение на переход в Кубанскую епархию. Так, заявление священника Новосильского уезда Тульской епархии Иоанна Руднева отделом юстиции было передано в КубЧК для согласования. 16 сентября 1921 г. начальник секретно-оперативной части КубЧК сообщал: «КубЧерчека находит нужным отказать в просьбе священника Руденко (так в тексте документа. – *Н.К.*), дабы не загромаждать Кубань разного рода священнослужителями, которых на Кубани и так много» [33].

В епархиальном управлении для неофициальной помощи органам власти, в свою очередь, была образована особая «ликвидационная» комиссия во главе с священником Ф.И. Делавериди, в задачу кото-

рой входил пересмотр приходского духовенства и увольнение от служения бывших беженцев времен Гражданской войны. К полномочиям комиссии также было отнесено рассмотрение заявлений священнослужителей из других регионов, переходящих на служение в епархию [34]. Устранив неудобного и потенциально опасного епископа Сергея от управления Кубанской епархией, КубЧК было необходимо организовать назначение на его место лояльного и послушного человека.

В феврале 1921 г. в Москву отправилась делегация духовенства и прихожан г. Екатеринодара с ходатайством к Святейшему Патриарху Тихону принять единоличное решение и назначить своим указом на Кубанскую кафедру епископа Иоанна. Без всякого сомнения инициатором и организатором этой акции являлся священник Ф.И. Делавериди [35]. Уже в марте 1921 г. епископ Иоанн вернулся в г. Екатеринодар в статусе Кубанского епископа. Бездействие органов безопасности региона при назначении епископа Иоанна на Кубанскую кафедру можно объяснить только лишь заинтересованностью самой КубЧК, в то время как в большинстве других регионов страны любые назначения новых епископов блокировались местными ЧК [36]. Таким образом, епископ Иоанн стал «проектом» кубанских органов безопасности.

Несмотря на усилившуюся оперативно-следственную и агентурно-осведомительную работу КубЧК в церковной среде, во второй половине 1921 г. на местах наступило увеличение религиозности населения. В сводке Полномочного представителя ВЧК на Юго-Востоке России за период 1 августа – 1 ноября 1921 г. отмечалось наступление религиозного подъема, связанного с возросшей ролью приходских советов в деле церковного управления, которые «даже пробуют влиять на перемещение священников», а также сообщалось об организации духовенством хоров, библейских кружков, ремонтах храмов [37].

При этом религиозные сюжеты в сводках КубЧК за 1921 г. присутствовали лишь эпизодически, а имевшаяся редкая информация была общей или же носила локальный и вторичный характер, не представляя полной картины поведения духовенства [38]. Не имея возможности влиять на уровень религиозности населения региона,

органы безопасности сосредоточили свою деятельность на установлении масштабного контроля за приходским духовенством с помощью как священника Ф.И. Делавериди, так и сотрудников епархиального управления, находившегося под его руководством.

Масштабным мероприятием органов безопасности стало проведение в марте–августе 1921 г. общей регистрации приходского и монашеского духовенства региона. Сотрудниками КубЧК были разработаны специальные анкеты для учета духовенства (7 тысяч экз.), которые 15 апреля поступили в отдел управления областного исполкома, а затем были разосланы по области. На местах к проведению учета духовенства отнеслись инертно, поэтому к июню 1921 г. в КубЧК анкеты поступили всего лишь с нескольких отделов.

В письме от 24 июня 1921 г. председатель КубЧК Д.В. Шленов, замечая, что «отделы преступно затягивают учет духовенства, тем самым не давая урегулировать работу по духовенству», требовал от отдела управления решительных мер к окончанию учета до 1 июля [39]. Из последовавших затем событий становится ясно, что на основании результатов учета КубЧК были определены в масштабах всей области группы «нежелательных» священнослужителей, которые впоследствии были расстреляны или выселены за пределы региона. Принудительная высылка беженцев, статус которых стал известен после учета, практически подвела итог работы епархиальной ликвидационной комиссии, отстранившей ранее их от служения на приходах.

Таким образом, в результате планомерной работы органов безопасности Кубани к осени 1921 г. в регионе был создан административный кризис управления и спровоцирована дифференциация духовенства. Деятельность против Церкви на местах, осуществляемая под непосредственным руководством VII (церковного) отделения СО ВЧК, явилась отражением нового направления государственной религиозной политики, в результате аппаратной борьбы получившего одобрение руководства страны. Это подтверждается укреплением полномочий отделений ВЧК на местах в рамках контроля за реализацией законодательства о религии, организацией массовых судебно-следственных процессов против представителей духовенства, имевших от-

ношение к органам управления епархией. Активизация секретной агентурной работы с отдельными священнослужителями позволила органам безопасности контролировать внутренние процессы в епархиях, выстраивая их в своих интересах. Впоследствии священник Ф.И. Делавериди, поддержанный КубЧК и привлеченный к агентурной работе, стал основным проводником и лидером сторонников обновленческого раскола и занял сторону оппозиции Святейшему Патриарху Тихону, силой административной церковной власти принудив к этому подавляющее большинство духовенства епархии.

Примечания:

1. *Кашеваров А.Н.* Православная российская церковь и советское государство (1917–1922). М., 2005. С. 230.
2. *Рожков А.В.* Народное сопротивление антирелигиозной политике советской власти на юго-востоке России в 1918–1929 гг. // *Голос минувшего: Кубанский ист. журнал.* 1997. № 2. С. 3–12.
3. *Панарин А.А.* Характер взаимоотношений между Православной Церковью и Советским государством в 1920-е гг. (на материалах Кубани) // *Гуманитарные и юридические исследования.* 2018. № 2. С. 118–124.
4. *Беликова Н.Ю.* Русская Православная Церковь и советская власть: начало противостояния // *Власть и общество в России: опыт истории и современность. 1906–2006 гг. (К 100-летию российского парламентаризма).* Краснодар, 2013. С. 19–21; *Беликова Н.Ю.* Формирование внутрицерковной системы в Русской Православной Церкви в первые годы советской власти (на примере Кубани и Ставрополя) // *Религия и гражданское общество: межконфессиональные и этнические конфликты в условиях геополитической конкуренции: Материалы XI Международного семинара.* Севастополь, 2013. С. 23–28.
5. *Кияшко Н.В.* Чекисты и Русская Православная Церковь: роль ВЧК в реализации религиозной политики на Юге в 1920–1921 гг. // *История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей участников Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (8–9 октября 2019 г.) / [отв. ред.: Ю.А. Петров, В.Н. Круглов]; Министерство науки и высшего образования РФ, Институт российской истории РАН; Совет молодых ученых ИРИ РАН. М., 2019. С. 242–249; *Кияшко Н.В.* ВЧК и проблема поиска модели религиозной политики Советского государства в 1921–1922 гг. // *Церковь. Богословие. История.* 2020. № 1. С. 119–128; *Кияшко Н.В.* Религиозная политика власти и проблема канонического управления в епархиях Юга России в 1922 гг. // *Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XIX Междунар. науч. конф. (Иваново, 25–26 марта 2020 г.).* Иваново: Иван. гос. ун-т, 2020. С. 103–111.*
6. *Кашеваров А.Н.* Православная российская церковь и советское государство (1917–1922). М., 2005. С. 230.
7. *Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы / Сост. О.Ю. Васильева.* М.: Издательство Библийско-Богословского Института св. апостола Андрея, 1996. С. 159.
8. Цит. по: *Кашеваров А.Н.* Православная российская церковь и советское государство (1917–1922). М., 2005. С. 228.
9. Цит. по: *Кривова Н.А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997. С. 18.
10. *Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы /*

Сост. О.Ю. Васильева. М.: Издательство Библейско-Богословского Института св. апостола Андрея, 1996. С. 159–160.

11. *Одинцов М.И.* Государство и церковь в России. XX век. М., 1994.

12. Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее – ЦА ФСБ). Ф. 1. Оп. 5. Д. 207. С. 17–18.

13. ЦА ФСБ. Д. Р-46841. Л. 42об., 47, 50.

14. Там же. Л. 66об.

15. Там же. Л. 66об.

16. Там же. Л. 26.

17. Там же. Л. 33.

18. Там же. Л. 26, 26об.

19. Там же. Л. 30об.

20. Там же. Л. 24.

21. Там же. Л. 28об., 29.

22. Там же. Л. 7.

23. Там же. Л. 8, 9.

24. Там же. Л. 13.

25. Там же. Л. 67.

26. Там же. Л. 5, 6.

27. Там же. Л. 2, 55, 59; Д. Р-30640. Л. 16т.

28. Там же. Л. 108.

29. Там же. Л. 100.

30. Там же. Л. 58. Решение о политическом преследовании и осуждении епископа принималось быстро и без длительных следственных мероприятий, на что указывают резолюции на заключении И.А. Шпицберга от 10 марта 1920 г.: «Выслать сроком на один год. 10/III Самсонов», «Согласен. 14/III». Очевидно, что вторая надпись на документе принадлежит непосредственному куратору начальника СОУ ВЧК Т.П. Самсонова.

31. Там же. Л. 1, 110.

32. Там же. Л. 115.

33. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 273. Л. 17.

34. Архив Екатеринодарской епархии. Д. М 75/6. Л. 17.

35. ЦА ФСБ. Д. Р-46841. Л. 62об.

36. *Кративин М.Ю.* «За неправильно вписанные ответы будете отвечать перед Судом Революционного Трибунала»: Секретный отдел ВЧК о задачах осуществления политического контроля над духовенством (1919–1920 гг.) // *Новейшая история России*. 2015. № 1 (12). С. 262.

37. Кубанская ЧК: Органы госбезопасности Кубани в документах и воспоминаниях / сост.: Н.Т. Панчишкин, В.В. Гусев, Н.В. Сидоренко / Под общ. ред. Е.Л. Воронцова. Краснодар, 1997. С. 65.

38. См. напр., сводки № 1, 2, 3, 7 КубЧК за 1921 г.: ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 390. Л. 130, 133, 137, 141.

39. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 138. Л. 76, 76об.

А.В. Бабич

Некоторые аспекты проповеднической деятельности кубанского духовенства в послевоенный период (1945–1959 гг.)

*Вы – соль земли. Если же соль
потеряет силу, то чем сделаешь ее
соленою? Она уже ни к чему не годна,
как разве выбросить ее вон на поприще
людям... (Мф. 5:13)*

После окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. во взаимоотношениях между Русской Православной Церковью и советским государством произошел

перелом: 12 сентября 1943 г. в кафедральном Богоявленском соборе состоялась интронизация избранного на Архиерейском соборе в г. Москве патриарха Сергия. По этому поводу церковный историк, протоиерей Станислав Цыпин, отмечал: «Правительство, допуская избрание патриарха, открытие приходов и духовных школ, откровенно признавало несбыточность большевистских планов полного разгрома Церкви и устранение ее из жизни народа. По существу, были заключены условия своего рода «конкордата», который в основном государственная власть соблюдала вплоть до начала хрущевских гонений» [1].

В соответствии с этим изменилась и позиция православного духовенства в отношении советского государства, став более активной по разным аспектам, в том числе и в плане проповедничества, всегда являвшегося одним из важнейших направлений духовного служения, поскольку на священнике, согласно книге «О должностях пресвитеров приходских», лежат четыре основные обязанности, которые ему следует неукоснительно соблюдать: первая – «проповедовать Слово Божие, не упуская благовременного случая, и тем приводить своих прихожан в познание веры и к житию честному христианскому», вторая – «препроводить житие, согласно учению Евангельскому, и тем представлять себя примером святой жизни», третья – «совершать Таинства Божии...», и четвертой обязанностью является «молитва, которая столь нужна и благопотребна проповедникам и строителям Тайнодействия» (О должностях пресвитеров приходских. М.: Сретенский монастырь, 2004. С. 5).

Весьма интересный материал по данной проблематике представлен в отчетах уполномоченного по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Краснодарскому краю. Этот материал автор и попытался осветить в настоящей публикации, укладываясь в хронологические рамки, берущие начало с момента окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и заканчивающиеся началом новых гонений на Русскую Православную церковь, осуществлявшихся советским правительством после окончательной победы в октябре 1958 года сторонников жесткой линии в решении церковного вопроса, выразившейся в обещании первого секретаря